

Дина
Паршуткина

НЯНЯ

для принцессы

18+

Дина Паршуткина

Няня для принцессы

<https://litres.ru/74659357>

SelfPub; 2026

Аннотация

БЕСПЛАТНО

- Сколько воспитанников у вас было на прошлой работе?
- Ой, я многих уже вырастила. В последней семье их вообще было четверо. И все мальчики.
- Здорово, значит опыт у вас большой. Хорошо я вам позвоню.
- Спасибо.
- Мы вышли из офиса, и пошли в сторону дома.
- И зачем ты соврала? - спросила сестра.
- Я не врала, твоих двое, для меня как четверо.
- Так это мои.
- Тем более. Считай опыт у меня уже огромный в воспитание детей.

Я нашла работу няней благодаря связям сестры. Вот только толку от этих связей, когда я даже памперсы менять не умею. Да еще и невеста моего нанимателя постоянно трется около ребенка и меня. Не нравится она мне, а мое предчувствие меня еще ни разу не подводило.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	28
Глава 5	34
Глава 6	41
Глава 7	48
Глава 8	59
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Дина Паршуткина

Няня для принцессы

Глава 1

— Да вы только посмотрите! Они все свежие! — говорю я женщине, стоящей по ту сторону прилавка.

Но она словно меня не слышит. Её руки, красные и покрытые цыпками, тянутся к помидорам. Она начинает мять их, да так, что сок брызжет в разные стороны. Капли летят на её грязную куртку, на прилавок, на мои руки.

— Послушайте, вы брать будете? — рычу я, чувствуя, как внутри закипает раздражение. — Если нет, то идите мужа мните.

— Я покупатель! А покупатель всегда прав! — отвечает она с вызовом, поднимая на меня мутные глаза.

Смотрю на неё и не могу понять: то ли она пьяная, то ли просто жизнь её так потрепала. Волосы густые и нечёсанные, торчат в разные стороны, словно она только что встала с постели. Лицо запитое, с серым оттенком, курточка вся в грязных потёках, обута в галоши, а коричневые колготки ровными складками лежат на ногах. И стоит, смотрит на меня так, словно это я ей должна, а не она мне.

— Ладно, возьму вот эти три, — она подаёт мне три мятых помидора, которые только что чуть не раздавила в кашу.

Я молча кладу их в пакет и ставлю на весы. Стрелка дёргается и замирает.

— С вас двести пятьдесят рублей, — говорю я ей, стараясь сохранить остатки вежливости.

— Что? Откуда у вас такие цены! — возмущается она, всплёскивая руками.

— Берете или нет? — спрашиваю я, уже не пытаюсь скрыть усталость.

— Ладно. Давайте.

Она подаёт мне замусоленные стольники и ждёт сдачу. Я рассчитываю её, стараясь не касаться лишний раз этих липких купюр, и сажусь под навес обратно. Мало того что сегодня ветер холодный, так ещё и дождь моросит с самого утра. Мелкий, противный, он проникает под куртку, за воротник, в рукава. Я кутаюсь в свою тонкую курточку, но это мало помогает.

А мне Марат, начальник этой точки, утром ультиматум поставил. Либо я продаю сегодня товар на три тысячи, либо он меня увольняет. А мне ну никак увольняться нельзя, у меня долг с прошлого месяца за комнату в коммуналке. Юра, хозяин комнаты, уже два раза приходил, напоминал. В последний раз смотрел на меня так, что я поняла: ещё немного, и он выставит меня на улицу вместе с моими вещами.

До обеда народу не было совсем. Только эта женщина с

помидорами, да ещё пара человек заходили, но ничего не купили. Замёрзнув окончательно, вскипятила чайник и заварила себе дошик. Какая-никакая, а еда. Пар от лапши поднимается в воздух, и я на минуту чувствую себя почти счастливой. Пальцы, сжатые вокруг горячей кружки, начинают отогреваться.

Эх, Таня, Таня. И что тебе в медицинском не училось? Вспоминаю тот день, когда всё пошло наперекосяк. Я тогда училась на втором курсе, и всё шло хорошо. Но я ж принципиальная — не стала платить декану за реферат. Думала, что смогу сама, что знания важнее денег. Он мне зачёт не поставил, а потом и вовсе стал унижать и валить каждую пару. Придирался к мелочам, высмеивал перед всей группой, занижал оценки. С психу написала заявление и ушла с колледжа. Вот только когда псих прошёл, я поняла, что поступила глупо, но обратно было идти страшно. Стыдно. К маме в деревню ехать не хотелось тем более. Да и что я ей скажу? Что бросила учёбу из-за гордости? Она бы не поняла. Так и ходила уже полгода, с одной работы на другую ища, где можно заработать. Официанткой пробовала, но не выдержала — слишком много грубости. В магазине работала — обсчитали. Курьером была — заблудилась в незнакомом районе. Я и подумать не могла, что это так сложно. Ведь каждому начальнику угодить нужно, улыбнуться вовремя. А у меня это не очень получалось. Хотя все говорили, что нужно бороться за счастье под солнцем. Но видно это не моё.

Лапша закончилась, а с ней и короткая передышка. Я выбросила стаканчик в мусорку и снова села под навес, глядя на серое небо.

— Ну что, красавица? Как прошёл рабочий день? — раздался голос Марата, и я вздрогнула.

Он заходил в палатку, стряхивая с куртки капли дождя. Высокий, полный, с вечно недовольным лицом. Он смотрел на меня, как на досадную помеху.

— Восемьсот пятьдесят рублей, — говорю я уныло, даже не пытаюсь приукрасить.

— Ты с ума сошла? — его лицо краснеет, и он делает шаг ко мне.

— Нет. Марат, правда, народу нет. Дождь весь день льёт, им не до фруктов.

— Наоборот, в такую погоду только фрукты кушать и надо! Я тебе говорил, предлагай! Говорил? — он тычет в меня пальцем, и я инстинктивно отступаю.

— Говорил. Я предлагаю, — тихо отвечаю я, чувствуя, как горло сжимается от обиды.

— Ни черта ты не предлагаешь! Ты просидела тут весь день жопу прогрела, а я теперь как? — он разводит руками, словно показывая мне весь масштаб катастрофы.

— Да я и так их чуть ли не за уши сюда тяну, — пытаюсь я оправдаться, хотя понимаю, что это бесполезно.

— Нет, Таня. Мы договаривались. От тебя никакой прибыли, убытки одни. Всё. Иди, — он машет рукой в сторону

выхода, словно выгоняет назойливую муху.

— Марат, милый, ну куда же я пойду? — голос у меня дрожит. — Мне за комнату уже платить нечем. Мне есть нечего.

— А я тут при чём? На паперть иди, милостыню проси, — он отворачивается, делая вид, что разбирает ящики.

— Ну, какую милостыню, не инвалид же я, — я пытаюсь улыбнуться, пошутить, но шутка выходит жалкой.

— Всё, Таня, иди! И не приходи сюда больше! — он резко оборачивается и выталкивает меня из палатки.

— Ну и чёрт с тобой! Звать будешь, не приду! — кричу я, чувствуя, как слёзы подступают к глазам.

Я беру свою сумку, отдаю ему передник и выхожу из палатки. Дождь усилился, холодные капли бьют по лицу. Остановившись около помидоров, осматриваюсь. Внутри всё кипит от несправедливости. С силой переворачиваю ящик. Помидоры с шумом летят на землю, в самую грязную лужу. Красные бока мгновенно покрываются брызгами грязи.

— Ах ты, гадина! — кричит Марат и бежит за мной.

Я рву с места, не разбирая дороги. Он бежит следом и кричит мне угрозы. Перебегаю дорогу, чуть не попадая под машину. Проскакиваю в сквер и теряюсь в больших домах. Остановившись отдышаться в тёмном переулке. Сердце колотится так, что готово выпрыгнуть из груди. Поправляю взъерошенные волосы, застёгиваю куртку и выхожу из переулочка.

Из-за дождя здесь кругом лужи. Мимо меня проезжает

большой джип и окатывает водой с головы до ног.

— Да ладно! — кричу я, но машина уже уехала.

— Вот же гадство!

Сырая, я иду по улицам города и думаю, что делать дальше. Вода стекает по спине, затекает в ботинки, но я почти не чувствую холода. Внутри пустота. Когда начинают сгущаться сумерки, я добираюсь до дома. Захожу в обшарпанный подъезд. На стенах облупившаяся краска, лампочка мигает, грозя вот-вот погаснуть.

В коридоре шумно. Дети бегают, играя в мяч. Женщины развешивают выстиранное бельё. У бабы Нюры на всю громкость орёт телевизор. А в третьей комнате у дяди Пети гости. Они играют на гармонии и поют песни, значит, опять пьют. Запах перегара и жареного лука смешивается с запахом сырости.

Подхожу к своей комнате и понимаю, что дверь открыта. Замираю на секунду. Вхожу. На диване сидит Юра. Мужчина в годах, именно он мне сдавал эту комнату. Рядом с ним на полу лежат две большие сумки. Мои сумки. Смотрю по сторонам. Серьёзно? Он собрал все мои вещи.

— Ну, наконец-то пришла! — говорит он, поднимаясь. Смотрит на меня. — Тебя во что макнули? — спрашивает он, кивая на мою мокрую одежду.

— Что тут происходит? — спрашиваю я, хотя уже понимаю ответ.

— Я тебя выселяю. Ты уже два месяца не платишь за ком-

нату.

— Что? Сегодня? Ты давал ещё неделю! — голос срывается на крик.

— Это было две недели назад, — спокойно отвечает он, и в его голосе нет ни капли сочувствия.

— Юра, пожалуйста. Я всё оплачу. Ну не везёт мне с работой, — я делаю шаг к нему, умоляюще глядя в глаза.

— Это твои проблемы. Ключи, — он вытягивает руку, и на его ладони блестит связка ключей.

— Юра... — я делаю глазки бусинками, как учила мама. Может, сработает?

— Ключи, — повторяет он, и его рука не дрожит.

Я смотрю на него, на свои сумки, на открытую дверь, за которой шумит коммуналка. Внутри всё обрывается. Слезы подступают к горлу, но я не даю им выхода.

— Да и ладно, и чёрт с тобой! — бросаю ключи на диван, хватаю сумки и выхожу из квартиры.

Дверь за мной захлопывается с глухим стуком. Я стою в коридоре с двумя сумками в руках, а мимо бегают дети, и где-то играет гармонь. И тут я понимаю: мне больше некуда идти.

Глава 2

На город опустилась ночь. В домах зажглись огни — тёплые, жёлтые прямоугольники, за которыми шла своя жизнь. У кого-то ужин, у кого-то ссора, у кого-то просто телевизор. А я шла по улице и наматывала слёзы на кулак. Ветер пробирал до костей, мокрая одежда липла к телу, а сумки оттягивали руки. Я не знала, куда иду. Просто шла.

В кармане зазвонил телефон. Я вздрогнула от неожиданности, достала его — на экране высветилось «Лера».

— Алло, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал нормально.

— Привет, Танюшка! Как ты там? — услышала я голос старшей сестры. Тёплый, родной, он сразу обволакивал, словно одеяло.

— Отлично, — соврала я.

— А что за шум? Ты до сих пор гуляешь? — в её голосе послышалась тревога.

— Почти, — я помолчала с минуту, собираясь с духом. — Меня Юра из комнаты выставил, — сказала я, и снова начала плакать. Слёзы, которые я так старательно сдерживала, хлынули наружу, оставляя горячие дорожки на холодных щеках.

— Как? Почему? — голос сестры стал резким. — Да не реви ты! Где ты? Живо езжай ко мне!

— Да куда я поеду. У тебя там и так места нет, — всхлипнула я, вытирая лицо рукавом.

— Не выдумывай! Приезжай, давай! Жду! Срочно! — сказала она и положила трубку. Вот так всегда — Лера не терпела возражений. Когда мы были маленькими, она точно так же командовала мной, и я всегда слушалась. Вот и сейчас.

Лера права, мне всё равно больше идти некуда. Я села в автобус и поехала на окраину города. Там моя сестра с мужем недавно купили новую квартиру. Вот только места от этого в доме больше не стало — детей-то у них четверо. Автобус тащился по тёмным улицам, я смотрела в окно на проплывающие огни и думала о том, что моя жизнь катится куда-то не туда. В кармане лежали последние деньги — рублей триста, не больше. На билет хватило, а дальше?

Как только я вошла в её квартиру, то словно попала в мини-ад. Дети бегали и кричали. Двое играли в мяч посреди зала — мяч с грохотом отскакивал от стен и мебели. Двое младших носились вокруг, визжа от восторга. А Лера была на кухне, готовя еду. Запах жареной картошки и лука смешивался с запахом стирального порошка и детских подгузников.

— Ну, наконец-то ты приехала! — сказала она, размахивая ложкой. На её лице была усталая улыбка, но глаза светились радостью.

— Привет, — сказала я, ставя сумки в коридоре.

— Раздевайся, пошли есть. Ты голодная, наверное?

— Лер, это только на одну ночь. Я в коридоре посплю, — сказала я, чувствуя себя неловко.

— Не выдумывай. Ты нам не помешаешь, — отрезала она, и в её голосе прозвучала та самая твёрдость, которую я знала с детства.

Лерка, моя старшая сестра, всегда была за меня горой. В школе она дралась с мальчишками, которые меня обижали. В юности давала мне деньги, когда я оставалась без гроша. Вот и сейчас в своей двушке говорит, что для меня у них есть место. Но спорить с ней не стала — это всего лишь на одну ночь. Она меня накормила, и уложила спать на кушетке. Ну и ладно, всё лучше, чем в сквере на лавочке. Я засыпала под мерный шум города за окном и крики детей из соседней комнаты, и мне было почти хорошо.

— Ааааа! — услышала я крик и подскочила.

Двое старших близнецов, которым уже по семь лет, бежали вокруг моей кровати с воплями. Их лица были раскрасневшиеся, волосы взлохмаченные, а глаза горели озорством.

— Не хочу! Не пойду! — кричали двое младших, убегая от Леры в одних трусах. Их маленькие пятки шлёпали по полу.

— Вы чего? — спросила я, потирая глаза. Голова гудела, тело ломило после вчерашнего.

— Милая, прости, что разбудили. Мальчишек в садик отвести нужно. Я быстро. Ты главное не уходи. Мне поговорить

с тобой надо, я кое-что придумала, — сказала Лера, пытаюсь поймать одного из близнецов.

— Ладно, — ответила я, хотя не очень понимала, что она могла придумать.

С шумом, воплями и гамом, но Лера одела пацанов и увела всех в сад. Дверь захлопнулась, и в доме сразу же настала тишина. Такая, что зазвенело в ушах. Я упала на подушку и закрыла на минуту глаза. Начала проваливаться в сон, как услышала где-то на задворках сознания громыхание посуды. Да вы издеваетесь! Открыла глаза и снова села.

За столом сидел Димка, муж Леры, и завтракал. Большой, широкоплечий, с добродушным лицом. Он жевал бутерброд и листал что-то в телефоне.

— Привет. Разбудил? — спросил он, заметив меня.

— Не, нормально, — ответила я, хотя сон уже улетучился окончательно.

— Мне на работу. Ладно, я побежал, — сказал он, закидывая ещё один бутерброд в рот.

Он вышел из квартиры, и снова стало тихо. Сна уже не было. Я заправила кровать и стала мыть посуду. Хоть как-то помогу Лерке. Тёплая вода смывала остатки вчерашнего дня с моих рук, и я чувствовала, как напряжение понемногу отпускает.

Открылась дверь, и вошла сама хозяйка. Волосы заколоты в пучок на самом верху. Вид потрёпанный, а сама усталая, и под глазами синяки от недосыпа. Она сбросила куртку и

тяжело опустилась на стул.

— Отвела, — сказала она и закрыла глаза на секунду.

— Чаю? — предложила я.

— Давай.

Я разлила по кружкам чай и села рядом. Она молча пила чай, наслаждаясь минутами тишины. Пар от кружки поднимался в воздух, и в этом маленьком моменте покоя было что-то трогательное.

— У меня сегодня выходной, так что тебе повезло, — начала она, ставя кружку на стол. — Я вот тут ночью думала. Вообще, есть у меня знакомая. Моя бывшая одноклассница. Сейчас она глава агентства «Элитная няня». Она мне предлагала работу на полдня. Я как раз ей собиралась звонить. Так вот ты пойдёшь вместо меня.

Я чуть не поперхнулась чаем.

— Няня? Я? Да ты что? Я с детьми вообще никак. Какая из меня няня?

— Ну, знаешь что! Всё же лучше, чем помидорами на улице торговать, — резонно заметила она.

— Нет! Это не моё, я не смогу с детьми. Я не ответственная. У меня хомячок был, и тот сдох через два дня. А тут ребёнок! Что я с ним делать буду? — я представила себя с чужим ребёнком на руках и похолодела.

— Это легко! — засмеялась Лера.

— Ха! Ничего себе легко!

— Таня, это работа. Такая же, как и в других сферах. Зна-

ешь, сколько народу ищет нянечек. Пойдёшь куда-нибудь к взрослым детям, которых нужно выгуливать да кормить, — она говорила так уверенно, словно всё уже было решено.

— Чем я буду их кормить? Ролтоном? — я усмехнулась, вспомнив вчерашний обед.

— Едой, Таня! — она закатила глаза.

— Нет! Я не согласная!

— Ну как знаешь, — сказала она и встала, давая понять, что разговор окончен.

На этом мы закончили разговор. Но её слова засели у меня в голове. Няня. Я? Это же смешно. Или нет?

Я искала работу, бегала по различным организациям. И всё, что я слышала: «у вас мало опыта», «у вас нет образования», «вы слишком молоды». Словно на работу идут только старые и образованные. В одной конторе мне прямо сказали: «Девушка, вам бы замуж, а не работать». Я вышла оттуда с красными щеками и комом в горле.

Каждый мой день начинался с воплей про садик, а заканчивался воплями о том, что малыши не хотят спать. Так пролетела неделя. Я помогала Лере с детьми — водила их на площадку, готовила, убирала. Димка смотрел на меня с благодарностью, а Лера всё чаще улыбалась. Выходные я провела в парке, иногда забредая в супермаркеты погреться. И снова шла в парк. Это было лучше, чем слушать вопли малышей, которые сидели дома. Я сидела на лавочке, смотрела на гуляющие парочки и думала о том, что моя жизнь должна

как-то измениться. Я впервые в своей жизни безумно ждала понедельника. Может, хоть что-то произойдёт.

Но раннее утро понедельника не принесло никаких улучшений. Дети орали сегодня дольше обычного, да так, что мне пришлось встать. Голоса сливались в один сплошной вопль, от которого закладывало уши.

— Что с ними? — не выдержав, спросила я у Леры.

— Температура, — сказала она и вышла из комнаты.

Пацаны сидели на кроватях и ревели. У одного из них пузырьками надулись сопли. Второй стал закашливаться — глухо, надрывно.

— И что значит, они в садик не идут? — спросила я, хотя уже поняла ответ.

— Не идут, — коротко ответила она.

Этот день ужаса я не забуду никогда. Дети ревели весь день, кашляли, давились и чихали. Плакали и тут же снова брали игрушки и начинали играть. Лера бегала вокруг них как заведённая, давала лекарства, меняла компрессы, пыталась накормить. В какой-то момент мне её даже стало жаль — она выглядела такой уставшей, такой измученной. На улице как назло шёл дождь. Я сидела запертая с ними в доме, и к вечеру мне захотелось лезть на потолок от воплей детей. Я пыталась помочь, но только мешалась под ногами. К ночи, когда малыши наконец уснули, Лера просто рухнула на диван и закрыла глаза.

— Как ты это выдерживаешь? — спросила я шёпотом.

— Привыкла, — ответила она, не открывая глаз. — А ты думала, няня — это легко?

Я промолчала. Может, она права. Может, чужие дети не так выматывают, как свои, когда можно уйти домой.

Рано утром, как только я услышала шаги сестры, подскочила с раскладушки и сразу к ней. В коридоре было темно, только полоска света пробивалась из кухни.

— Лера, помнишь, ты мне про работу говорила? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Ну? — она обернулась, и в её глазах мелькнула надежда.

— Ещё не поздно?

— Надумала? — улыбнулась она.

— Ага, — кивнула я, чувствуя, как внутри всё сжимается от страха. — Только это не значит, что я согласна навсегда. Просто попробую.

— Ладно, сейчас я Елизавете позвоню, — сказала она и направилась к телефону.

Я стояла в коридоре и слушала, как она набирает номер. Сердце колотилось где-то в горле. Что я делаю? Я же не умею с детьми. Я же... Но тут же вспомнила лицо Юры, когда он протягивал руку за ключами. Вспомнила холодную улицу, мокрую одежду и пустоту в кармане. Нет, обратной дороги нет. Придётся справляться.

Глава 3

Пришлось надеть парадную белую блузку, брюки и сделать причёску. Блузка была единственная приличная вещь в моём гардеробе — я берегла её для особых случаев, и вот, кажется, этот случай настал. Я долго стояла перед зеркалом, пытаюсь справиться с волосами. Они не хотели укладываться, выбивались из причёски, и я злилась на них, на себя, на весь мир. Прежде чем ехать в агентство. Мы ехали в автобусе, а Лерка мне всё давала наставления. Она сидела рядом, вцепившись в свою сумку, и говорила без умолку.

— Ты главное сразу не отказывайся и не бойся. Это кажется только, что с ними сложно, на деле с ними очень легко, — говорила она, и в её голосе звучала такая уверенность, что я почти верила.

— Угу, — говорила постоянно я, глядя в окно на проплывающие улицы.

— И не спорь с ней. Что бы она ни сказала, соглашайся. Кивай и улыбайся. Поняла?

— Угу.

— Таня! Ты меня слушаешь? — она потрянула меня за плечо.

— Слушаю, слушаю, — ответила я, хотя на самом деле думала о том, что я делаю. Няня. Я. Это же смешно.

Мы вошли в здание — современное, стеклянное, с блестящими табличками на дверях. В холле пахло кофе и дорогими духами. Нас встретила высокая стройная блондинка. На её бейджике было имя — Елизавета. Она была одета в строгий костюм, но в её облике было что-то тёплое, располагающее.

— Лерочка, привет, моя хорошая! — сказала она и поцеловала сестру в щёки. — Как же я рада тебя видеть! Сколько лет, сколько зим!

— Здравствуй, Лиза! Вот, знакомься. Моя сестра Татьяна, — сказала Лера, подталкивая меня вперёд.

— Здравствуй, — говорит она и улыбается. Улыбка у неё была искренняя, и я немного расслабилась.

— Здравствуйте, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Пойдёмте ко мне в кабинет, — пригласила она, и мы пошли по коридору, устланному мягким ковром.

Мы прошли к ней, она села рядом с нами на диван и стала смотреть на меня. Внимательно, изучающе, но без враждебности. Просто оценивала.

— Танюша, а опыт с детьми у тебя есть? — спросила она, и я почувствовала, как Лера незаметно толкнула меня локтем.

— Да, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Я многих воспитывала. Однажды вообще у меня было четверо малышей. Но они быстро выросли, и теперь ищу новую семью. Я обожаю детей. Им со мной всегда весело. Я не дам им скучать, как и они мне.

Слова лились из меня, словно я репетировала их всю жизнь. Врала, конечно, но кто в такой ситуации не соврёт? Елизавета кивала, и в её глазах мелькнуло одобрение.

— Здорово. А рекомендации? — спросила она.

— К сожалению, нет, — я изобразила на лице огорчение. — При последнем переезде у меня украли сумку, где они лежали. Так обидно, столько лет работы — и всё пропало.

— Жаль, — она покачала головой. — А сколько детей ты сейчас хочешь вести?

— Лучше одного, — сказала сестра, и я почувствовала, как она снова толкает меня локтем. Слишком сильно.

— Да нет, я могу и больше, — вклинилась я, не понимая, почему она так настойчива.

— Лучше одного, — снова сказала сестра, и в её голосе прозвучала сталь.

Я посмотрела на неё, но она смотрела на Елизавету, и на её лице было выражение, которое я хорошо знала. Так она смотрела, когда что-то решала за меня. Я замолчала.

— На самом деле сейчас Игнат Васильевич ищет няню с проживанием... — начала Елизавета.

— Отлично. Мне подходит, — не дослушав её, сказала я.

Слова вылетели сами собой. Я даже не поняла, что сказала. Лера посмотрела на меня с ужасом, Елизавета — с удивлением.

— Хорошо, — медленно произнесла она, словно взвешивая что-то. — Я узнаю его расписание и тогда скажу тебе,

когда он сможет тебя принять.

— Спасибо тебе большое. Ты нас очень выручила, — сказала ей сестра, вставая.

— Да пока не за что, — ответила Елизавета, и мы вышли из офиса.

Мы шли по улице, и я чувствовала, как внутри всё сжимается. Что я наделала? Я даже не знаю, что это за работа. С проживанием. Без выходных. Я же хотела просто полдня, как Лера говорила.

— Ты зачем соврала про детей? — спросила Лера, когда мы отошли достаточно далеко.

— Чтобы точно взяли на работу, — ответила я, пожав плечами.

— Она бы и так тебя взяла.

— Слушай, а кто этот Игнат Васильевич? — спросила я, внезапно понимая, что ничего о нём не знаю.

— Откуда я знаю? Ты же ей даже договорить не дала, — в голосе Леры слышалось раздражение.

— Блин! — только сейчас до меня дошло, что я не узнала, на что согласилась. Я остановилась посреди тротуара. — Лера, а что значит «с проживанием»?

— Это значит, что ты будешь жить в его доме, Таня.

Я сглотнула. Жить в чужом доме. С чужим ребёнком. Я, которая хомячка не смогла сохранить.

Днём позвонила Елизавета и сказала, что мой будущий работодатель ждёт меня завтра в час дня у себя в доме. Адрес

скинула смс-кой и посоветовала не опаздывать. С этой минуты я сидела как на иголках в ожидании. Потому что, пробив адрес, поняла, что наниматель не абы кто, а генеральный директор центрального банка в городе.

Я полночи не спала, ворочаясь на раскладушке у Леры. В голове крутились мысли одна страшнее другой. Генеральный директор. Банк. Огромный дом. Что я там забыла? Может, не ехать? Может, найти что-то попроще? Но тут же вспомнила — мне некуда идти. И за комнату платить нечем. И есть нечего.

Выпив пару успокоительных — Лера дала мне какие-то таблетки, от которых в голове стало туманно и спокойно, — я сидела в такси и смотрела по сторонам на огромные роскошные дома, мимо которых мы проезжали. Каждый из них был размером с весь наш коммунальный коридор. Около одного из таких домов таксист остановился, открылись ворота, и нас впустили вовнутрь. Таксист довёз меня до центрального входа. Расплатилась и вышла. На крыльце стоял мужчина в чёрном костюме и оценивающе смотрел на меня. Высокий, широкоплечий, с непроницаемым лицом.

— Здравствуйте, я няня, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Здравствуйте. Идёмте, — коротко ответил он.

Он вошёл в дом, я пошла за ним следом. Он вёл меня к кабинету, а я вертела головой по сторонам. Слишком большие комнаты, шикарное убранство. Мраморные полы, люст-

ры, картины на стенах. Да вся моя родня могла поселиться жить в одной из таких комнат, и они бы в ней искали друг друга, настолько большие были комнаты.

Было стойкое чувство, что я попала в какой-то музей, не иначе. Мужчина открыл дверь, и я вошла в кабинет. Стены были из тёмного дерева. Кожаные кресла стояли около стола, за которым сидел brutальный мужчина лет тридцати пяти. Оценивающим, тяжёлым взглядом он посмотрел на меня. Я поправила пиджак, купленный на рынке ещё два года назад. Даже рукой по юбке провела, чтобы она была прямее, хотя и так гладила её всё утро. Он же молчал и продолжал меня рассматривать.

Я стояла посередине комнаты, переминаясь с ноги на ногу. Он смотрел на меня словно на жука под микроскопом. Было неприятно до жути, но развернуться и уйти было нельзя — мне нужна эта работа. На высоких каблуках ноги устали, всё же кроссовки я люблю больше, чем туфли. Не выдержав, прошла и села в кресло — может, он не знает, что людям предлагают присесть. Как только села, он хмыкнул и стал листать какие-то бумаги на столе.

— Здравствуйте! Я Татьяна. Меня к вам Елизавета прислала, — не выдержав молчания, сказала я.

— Здравствуйте. Вы слишком молодо выглядите для опытной няни, — сказал он, и в его голосе не было ни капли тепла.

— Я просто хорошо сохранилась, — ответила я, и тут же

пожалела о своих словах.

— Да? И в паспорте тоже? Мне бы так! — и снова замолчал.

Я чувствовала, как краска заливает щёки. Он что, издевается? Или проверяет меня? Я не понимала. Просто сидела и смотрела на него, а он смотрел на меня. В комнате повисла тишина, тяжёлая, давящая.

— С условиями вы знакомы? — наконец спросил он.

— Да, — соврала я.

— Тогда где же ваши вещи?

— Какие? — я непонимающе уставилась на него.

— Мне нужна няня с проживанием, поскольку работа будет и в ночное время. И кстати, работа без выходных, — сказал он, и в его голосе звучала такая будничность, словно он сообщал прогноз погоды.

Я открыла рот, чтобы возразить, но он не дал мне продолжить.

— Мой вам совет. Когда подписываете документы, читайте все условия. У меня нет времени ждать, когда вы перевезёте ещё и свои вещи. Я сейчас улетаю, со всем в доме вам поможет Зоя, она моя экономка. Вещи уж заберёте как-нибудь потом.

Дверь открылась, и вошла женщина в серой униформе. Волосы были забраны в пучок на голове. На вид ей было лет пятьдесят. Она посмотрела на меня с любопытством, но без враждебности.

— Зоя, это новая няня. Покажи ей всё в доме и познакомь с дочкой, — сказал он.

Я снова хотела открыть рот, чтобы сказать, что я не согласна, что мне нужно время подумать, что я вообще не уверена... Но меня никто слушать не собирался. Игнат Васильевич уже встал и направился к выходу, даже не взглянув на меня.

— Хорошо, Игнат Васильевич. Пойдёмте, — сказала Зоя, и я, как замороженная, встала и пошла за ней.

Она вела меня по коридору и говорила, где какая комната. Гостиная, столовая, библиотека, зимний сад. Я кивала, но почти ничего не запоминала. В голове было пусто и страшно. Открыла одну из дальних комнат и сказала, что это моя.

— Постой, подожди, — остановила я поток её слов.

— Что такое? — она обернулась, и в её глазах мелькнуло удивление.

— Я не думала, что вот так сразу меня возьмёт на работу. Я думала, мне дадут время подумать.

— Подумать над чем?

— Согласна я или нет.

— Ну, раз ты тут, значит, согласна, — резонно заметила она. — Кстати, где твои вещи?

— Да я ещё не привозила ничего. Может, мне условия не подойдут, — я понимала, как жалко это звучит, но ничего не могла с собой поделать.

— Тогда ты это обсуди с Игнатом Васильевичем, когда он

вернётся.

— Он сказал, что он улетает.

— А, точно, — она на секунду задумалась. — Ну, а кто-то может собрать твои вещи?

— Ну да, — кивнула я, вспомнив Леру.

— Так пусть соберут, а мы отправим водителя, он привезёт их тебе сюда, — в кармане у неё раздался детский плач, она достала маленькую рацию и нажала на кнопку, та замолчала. — Пойдём, я тебя с принцессой познакомлю.

Мы подошли к комнате, Зоя открыла дверь, и я услышала плач младенца. Тонкий, пронзительный, от которого сжималось сердце. Экономка подошла к детской кроватке и вытащила оттуда крохотную малышку. Прижала к себе, и та сразу плакать перестала. Словно почувствовала, что её держат в надёжных руках.

— Таня, познакомься, это наша принцесса. Её зовут Вика, — улыбаясь малышке, сказала она.

Я смотрела на этого крохотного человечка и чувствовала, как внутри всё сжимается. Маленькие ручки, маленькие ножки, большущие глаза, в которых стояли слёзы. Она была такой беззащитной, такой хрупкой. И я должна была за ней присматривать. Я. Которая даже хомячка не смогла сохранить. Что я буду с ней делать?

Глава 4

Я прижалась к дверному косяку, не в силах поверить в увиденное. Этого просто не может быть. Только не младенец! Я что с ней делать-то буду? В голове пронеслось всё разом: пелёнки, бутылочки, бессонные ночи. Я же ничего не умею. Захотелось развернуться и пойти искать выход. Просто уйти, пока никто не заметил. Но ноги не слушались. Зазвонил телефон в кармане, достала, чтобы хоть как-то отвлечься. Там оказалось оповещение о том, что поступили деньги.

— Странно, — удивлённо сказала я, глядя на экран.

— Что такое? — спросила Зоя, обернувшись.

— Деньги пришли.

— А, это аванс. Вторая половина придёт в конце месяца.

Держи, — она подала мне в руки малышку.

Это с виду она была маленькая, а на деле оказалась тяжёлым бутузом. Тёплый комочек, который тут же вцепился в меня ручонками, словно искал защиты. Я стояла, боясь пошевелиться, боясь дышать. Что если я её уроню?

— Если что, зови. Принцессу кормишь на кухне, и сама там будешь кушать, ладно, я пошла, — она развернулась и ушла, оставив меня наедине с этим маленьким существом.

Малышка вцепилась мне в волосы и стала тянуть. Сильно,

так что я вскрикнула от неожиданности.

— Ай, мне больно! — я попыталась разжать её пальчики, но они были на удивление крепкими. — Отпусти, маленькая разбойница.

Посадила её на пол, она встала и пошла по комнате. Ковыляя, держась за мебель, но шла. Вот чёрт, что мне делать-то? Я смотрела на неё и понимала, что не знаю ничего. Как её кормить? Как укладывать спать? Сколько раз в день? Набрала номер сестры и начала ей жаловаться, чувствуя, как голос дрожит.

— Лера, это катастрофа, — сказала я, когда она взяла трубку. — Тут младенец. Настоящий. Маленький. Что мне с ней делать?

Та пыталась меня успокоить, говорила, что всё будет хорошо, что дети — это просто. Но поняв, что не получается, перестала это делать.

— Сколько ей месяцев, раз она ходит? — спросила Лера.

— Ну, год ей уже есть, — ответила я, глядя на малышку, которая пыталась дотянуться до вазы на столике.

— Так она разговаривать не умеет?

— Нет, — я отвлеклась на секунду, чтобы убрать вазу подальше. — Слушай, Тань, давай я Лизе позвоню, надо вытаскивать тебя оттуда. Зря она тебе малыша дала.

— Почему зря? — обиделась я, хотя сама понимала, что она права.

— Ты ж его угробишь. Так тебя твой Васильев закатает

в бетон. Я тут пробила, страшный он человек. Связан с криминалом, только никаких доказательств на него нет, — голос сестры стал серьёзным, и я почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Конечно, как жопа, так мне, — проворчала я. — Капец. Так мало того, он ещё и аванс уже мне перевёл.

— О, как быстро, — удивилась Лера.

— Мне теперь что делать?

— Корми, гуляй, играй, памперсы меняй. Больше ничего такого. Она же маленькая ещё.

— Памперсы? — переспросила я, чувствуя, как холодеют руки. — Шутишь?

— Нет. Ты главное только следи за ней.

— А то что?

— А то она глупая, съест что-нибудь не то или залезет не туда, — в голосе сестры слышалась улыбка.

— Капец, она игрушки грызёт, — я смотрела, как малышка пытается засунуть в рот деревянный кубик.

— Ну, главное чтобы не маленькие.

— Забери меня отсюда! — взмолилась я.

— Я вещи пошла твои соберу, — и она повесила трубку.

Я осталась один на один с маленьким монстром, который ходил по комнате, крушил за собой всё подряд и при этом улыбался. Ну, прям копия папуля. Вот только мне от этого не легче. Что делать-то? Слишком быстро ей надоело обсаживать игрушки. Она села на пол и заплакала. Громко, над-

рывно, с всхлипами.

— Ну, ты чего? Эй? Слышишь? Не плачь! Вот же чёрт! — я присела рядом, пытаюсь понять, что не так.

Малышка начала плакать ещё сильнее. Даже не думая заканчивать. На мои уговоры она не поддавалась. Пришлось взять её на руки, чтобы хоть как-то успокоить. И тут я почувствовала запах. Резкий, неприятный, от которого замутило.

— Нет! — взвыла я, понимая, что это значит.

Отодвинула её от себя, подхватила за подмышки. Надо же куда-то её положить, но куда? На глаза попался столик в углу комнаты. Около него лежали какие-то крема и пакеты. Держа малышку на расстоянии вытянутой руки от меня, я понесла её к столику. Посадила на стол и стала думать, что делать дальше. Малышка сидела и редела не останавливаясь. Да почему никто на её крик не приходит? Где Зоя? Где все?

Уложила девочку, чтобы понять, как снять с неё штанишки. Держа резинку двумя пальцами, сдвинула, немного оголяя памперс. Но штаны мешали, не давая расстегнуть защёлки. Чёрт! Пришлось снимать колготки до колен. Расстегнула памперс и отвернулась, ловя воздух ртом, чтобы меня не вырвало. Запах ударил в нос, и я зажмурилась.

— Ты же принцесса, чего ты срёшь как конь-то! — сказала я вслух, не сдержавшись. — Вот чёрт!

Максимально осторожно стала снимать памперс, но малышка взбрыкнула ногой, и её штанишки и мои руки стали в говне. Тёплом, липком, отвратительном.

— Чёрт! — выругалась я, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота.

Стянула штаны до конца, вытерла ими руки и убрала памперс. Локтем, чтобы не испачкать до конца всё, достала салфетки и стала вытирать себя и ребёнка. Поднимая то одну её ногу, то другую. Я кривила лицо, но с отвращением продолжала вытирать её. Малышка вертелась, пыталась схватить салфетки, лезла руками в грязь. Когда мы обе стали чистыми, встал другой вопрос: как надеть новый памперс.

Прочитать инструкцию не давала малышка, она то и дело переворачивалась и пыталась уползти. Ловила её руками и подтягивала к себе. Она куксилась и вырывалась снова. Зажала её одной рукой, придавив к матрасу, второй стала быстро доставать памперс. Малышка хныкала и пыталась вырваться. Её лицо сморщилось, слёзы катились по щекам.

— Да подожди ты! — сказала я ей, крутя в руках памперс. — Какой стороной его надевать?

Я покрутила его и так и этак, но до меня не доходило. Где перед, где зад? Как эти защёлки работают? С горем пополам я его надела на малышку и выпустила. Та бегом побежала от меня, словно испугалась, что я ещё что-то с ней сделаю.

— Ну и где мне искать тебе штаны? — спросила я, оглядываясь по сторонам.

Открывала шкаф за шкафом, ища вещи. Пока не попала в небольшую гардеробную. Тут была уйма вещей. Полки ломились от одежды: платица, кофточки, штанишки, комби-

незоны. Всё маленькое, аккуратное, дорогое.

— Обалдеть! У тебя целая комната вещей! — я присвистнула. — Так тебе эти штаны вообще можно каждый раз просто выкидывать и не стирать. Как я тебе завидую.

Нашла штанишки и стала ловить малышку, чтобы надеть их на неё. Поймала, усадила на колени. Малышка брыкалась ногами, пиналась, но ноги не давала. Пришлось зажимать каждую ногу и одевать отдельно. Она куксилась, но терпела. Вспотевшая и усталая, я выпустила малышку и присела отдохнуть. Просто села на пол и закрыла глаза. Мне казалось, что прошла вечность, а на самом деле — всего полчаса. Как люди с этим справляются? Как? Я смотрела на малышку, которая уже снова улыбалась и тянулась к игрушкам, и понимала, что это только начало. И от этой мысли становилось страшно.

Глава 5

Открылась дверь комнаты, и вошла экономка. Я вздрогнула — настолько тихо она появилась. Женщина окинула взглядом комнату, игрушки, разбросанные по полу, и меня, сидящую на ковре с растрёпанными волосами.

— Время обеда, принцесса хочет кушать, — сказала она и собралась выходить из комнаты.

Я подскочила, словно ужаленная.

— Эй, подожди! Покажи ещё раз, где кухня! — крикнула я ей в спину, хватая малышку на руки.

Вика тут же вцепилась мне в шею, прижалась, словно маленький тёплый комочек. Я пошла следом за экономкой, стараясь не отставать. Коридоры здесь были длинные, запутанные, и я понимала, что без провожатого заблужусь через минуту.

До кухни мы дошли быстро. Огромная комната больше напоминала музей с экспонатами, чем кухню. Большой длинный стол с множеством стульев. Витражи на окнах — разноцветные стёкла складывались в причудливые узоры, и солнечный свет, проходя через них, рисовал на полу радужные пятна. Я даже засмотрелась, забыв на секунду, где я и зачем. Но малышка схватила меня за волосы, возвращая в реальный мир.

— Ай! Вика, нельзя! — я попыталась разжать её пальчи-

ки, но она держала крепко, с упрямством, которое, видимо, досталось ей от отца.

Посмотрела по сторонам и увидела детский стульчик — деревянный, с высокой спинкой и подносом. Усадила туда малышку, застегнула ремешки, как показала Зоя. Кухарка, полная женщина в годах, с добрым лицом и руками, привыкшими к работе, принесла поднос. На котором было пюре и сок. Пюре было оранжевым, аппетитным на вид, и от него шёл тёплый пар.

— Спасибо, — сказала я, беря ложку.

Стала с ложечки кормить малышку. Та пищала, кукусилась и отказывалась есть. Первая ложка полетела на пол. Вторая — на меня. Третью она выбила рукой, и пюре разлетелось по столу.

— Вика, ну что ты делаешь? — я попыталась поймать её руку, но она была быстрее.

Экономка стояла в стороне и наблюдала за нами. На её лице не было ни осуждения, ни насмешки — просто спокойное наблюдение. Малышка то руками взмахнёт, то ложку подкинет. Под конец она и я была вся в пюре. Оранжевые пятна украшали мою блузку, щёки, даже волосы. Вика выглядела не лучше — её личико было перемазано, как у клоуна.

— Мы пошли, помоемся, — сказала я экономке, чувствуя, как горят щёки от стыда.

Она лишь кивнула и продолжила что-то протирать на столе. Я утащила малышку обратно в детскую. В ванной комна-

те, которая примыкала к детской, я набрала воду, проверила температуру локтем, как учила Лера. Помыв ребёнка, а заодно её брызгами вымывшись сама, я уложила её в кроватку. Малышка сопротивлялась, пыталась сесть, но усталость взяла своё. Она уснула, причмокивая во сне, а я стояла над кроваткой и смотрела на неё.

Какая же она маленькая. И какая беспомощная. И я теперь за неё отвечаю.

Ноги заломило от усталости. Я опустилась на пол рядом с кроваткой, просто чтобы посидеть минуту. Голова стала тяжёлой, глаза слипались. Я думала, что закрою глаза на секунду, только на одну секунду.

Проснулась оттого, что ноги заломило. Открыла глаза и поняла, что я сплю на полу около кроватки. Ужас! Свет за окном был серым — то ли вечер, то ли раннее утро. Я не понимала, сколько проспала. На негнущихся ногах встала и пошла к себе в комнату. Около кровати стояла сумка с вещами. Лера собрала, как и обещала. Я переоделась в мягкие домашние штаны и футболку и легла спать. Кровать показалась мне раем.

Но спала я недолго. Рация, что дала мне экономка, запищала — резко, пронзительно. Я подскочила, не понимая, где я. Сердце колотилось. Сонная, я пришла в детскую и увидела, что малышка сидит в кроватке и ревёт. За окном была тёмная ночь. Чёрное небо, ни звёзд, ни луны.

— Тебе что, не спится? А? — я подошла к кроватке, чув-

ствуя, как внутри поднимается раздражение. — Я из-за тебя ни ела, ни спала. Как мне с тобой работать?

Взяла её и начала качать, но она стала вырываться из рук. Пришлось отпустить малышку на пол, а самой сесть рядом. Глаза слипались, жутко хотелось спать. Я прислонилась спиной к кроватке и закрыла глаза на секунду. Малышка ползала рядом, что-то бормотала на своём языке.

Чтобы хоть как-то отвлечься, залезла в телефон и стала смотреть сайты, как заниматься с детьми. Что с ними делать и как их укладывать спать. В кои-то веки интернет показывал нужную для меня информацию. Я читала статьи, смотрела короткие видео. Оказывается, детям нужен режим. Оказывается, они понимают больше, чем кажется. Оказывается, если петь колыбельную, они засыпают быстрее.

Надо же, оказывается, если всё это знать, то можно легко ужиться с ребёнком. С ума сойти можно! Какая же я дура. Нужно было сразу посмотреть, а не паниковать.

Когда закончила просматривать видео с малышами, поняла, что в комнате тихо. Малышка забралась на плюшевого медведя — огромного, размером с неё саму, — и спала, обнимая его за ногу. Её дыхание было ровным, спокойным. За окном не спеша поднималось солнце. Первые лучи, розовые и нежные, коснулись её волос, и они заблестели, как золото.

Я сидела на полу и смотрела на неё. И почему-то улыбалась.

Сегодня мне было гораздо легче с малышкой, хотя весь

день хотелось спать. Я знала, что её нужно кормить в определённое время, что после еды — прогулка, что после прогулки — сон. Вечером накормила её кашей и сменила памперс на сухой. Уложила спать и ушла к себе. Легла на кровать и проспала не раздеваясь. Даже сны не снились.

Я уже неделю в доме. За это время изучила распорядок дня малышки, изучила дом. Гуляла с малышкой около дома. Здесь был великолепный ухоженный сад. Розы, лилии, какие-то цветы, названия которых я не знала. Дорожки, посыпанные гравием, скамейки в тени деревьев. Вика любила трогать цветы, и я позволяла ей, следя, чтобы она не сорвала.

Стала больше общаться с экономкой и кухаркой. Зоя оказалась строгой, но справедливой. Она научила меня, как правильно держать бутылочку, как проверять температуру воды, как пеленать. Кухарка Алиса — добрая женщина с громким смехом — всегда оставляла мне что-нибудь вкусненькое на кухне. А под конец недели стала перебрасываться репликами с постоянно серьёзной охраной. Они оказались на деле такими милыми душами. Один из них, молодой парень по имени Влад, даже улыбнулся мне однажды.

К концу недели приехал отец девочки. Как я об этом узнала? Он зашёл в детскую, взял малышку на руки, обнял и поцеловал. Подержал на руках её пять минут, развернулся и ушёл. Я была в шоке. Ну, может, устал и решил отдохнуть? Но настал вечер, а он так и не появился в детской. Вика смотрела на дверь, словно ждала. Но он не приходил.

Утром мы с малышкой отправились искать отца. Я не могла понять — как так? Как можно не хотеть видеть своего ребёнка? Он плавал в бассейне, а на одном из шезлонгов лежала белокурая девушка в купальнике. Она бросила на меня ненавистный взгляд, но продолжила лежать и наблюдать за Игнатом. Её длинные ноги были идеально загорелыми, а купальник, наверное, стоил больше, чем вся моя одежда.

— Здравствуйте! — сказала я, подходя ближе. Вика на моих руках потянулась к отцу.

— Здравствуйте, Татьяна. Что-то случилось? — спросил Игнат, не вылезая из воды. Он даже не посмотрел на дочь.

— Я принесла вам дочь, чтобы вы провели с ней время, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

Игнат посмотрел на меня долгим внимательным взглядом. В нём не было ни удивления, ни радости. Просто холодное оценивание.

— А вы шутница. Что-то ещё? — спросил он, и в его голосе прозвучала насмешка.

— Больше ничего, — ответила я, чувствуя, как внутри закипает злость.

— Тогда вы можете идти.

Девушка на меня смотрела с презрением. Её губы кривились в улыбке, словно она наблюдала за чем-то забавным. Пришлось развернуться и уйти прочь с малышкой на руках. Она цеплялась мне за волосы и что-то лепетала. А я просто была в шоке. Как можно не обращать внимания на свою

дочь? Как можно быть таким холодным? Я шла по коридору и чувствовала, как слёзы подступают к глазам. Но не от жалости к себе. От жалости к Вике. К этой маленькой девочке, у которой был отец, но не было отца.

Глава 6

Прошла ещё неделя, но Игнат так и не приходил к малышке. Я ловила себя на том, что каждый вечер прислушиваюсь к шагам в коридоре, надеясь услышать его тяжёлую поступь. Но шаги стихали где-то в другой части дома. Хоть сестра и говорила, что это не моё дело, но я не могла остаться равнодушной к тому, как он относится к своей дочери. Каждый раз, когда Вика тянулась к двери, когда слышала мужской голос, когда улыбалась, глядя на охрану, у меня внутри что-то сжималось. Она ждала его. А он не приходил.

Дождалась субботы. Он с самого утра сегодня был дома, причём один — я уточнила этот момент у охраны. Влад, тот самый молодой охранник, который мне улыбался, подтвердил: Игнат Васильевич никуда не выезжал, девушка по имени Лера уехала ещё вчера вечером. Значит, момент подходящий. Я надела на Вику красивое платье, расчесала её редкие волосики, повязала бантик. Если уж идти просить внимания, то выглядеть нужно соответствующе. Пришла к нему в кабинет с малышкой на руках.

Дверь была приоткрыта. Я постучала — тихо, но настойчиво. Он поднял голову от бумаг, и на его лице мелькнуло удивление. Быстро сменилось раздражением.

— Игнат Васильевич. Добрый день! Можно вас попро-

силь помочь? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал как можно более невинно.

— Что случилось? — он отложил ручку, но не встал.

— Там коляска сломалась, а я с малышкой хотела погулять, — сказала я, кивая на Вику, которая тут же потянулась к отцу ручонками.

— Так скажи экономке, — он снова взял ручку, давая понять, что разговор окончен.

— Я найти никого не могу, — соврала я, глядя ему прямо в глаза.

— Во всём доме только я? — он поднял бровь, и в его голосе прозвучала насмешка.

— Получается, что так, — ответила я, не отводя взгляда.

Он вздохнул — тяжело, раздражённо, — но встал и пошёл за мной. Я шла следом, чувствуя, как сердце колотится от волнения. Вика на моих руках что-то лепетала, тянулась к отцу, но он не оборачивался.

На улице около дверей стояла коляска, одно колесо было вытащено и лежало рядом. Он сел на корточки и стал вставлять колесо. У него это так быстро получилось. Надо же, а я его так долго вытаскивала, мучилась, пачкала руки. Он просто щёлкнул каким-то механизмом — и всё.

— Всё готово! — сказал он, поднимаясь и отряхивая руки.

— Спасибо вам огромное! — я улыбнулась, усадила принцессу в коляску. Та радостно замахала ручками, предвкушая

прогулку.

— Ох! — я согнулась пополам, схватившись за живот. Боль была не сильной, но вполне убедительной.

— Что такое? Вам плохо? — он сделал шаг ко мне, и в его глазах мелькнула тень беспокойства.

— Простите, я быстро. Посмотрите за малышкой, — прохрипела я и, не разгибаясь, убежала в дом.

Закрыла за собой дверь и прислонилась к ней спиной. Сердце колотилось. Получилось? Я подошла к окну и выглянула через щёлку в шторы.

Он стоял и ждал меня. Просто стоял, сунув руки в карманы, и смотрел на дверь. Малышка знала, что если мы идём гулять, то будем кататься, а коляска стоит без движения. Она завертелась, заёрзала. Отец просто стоял рядом и смотрел, чтобы малышка не упала.

Принцесса немного посидела и начала вредничать и плакать. Сначала тихо, хныкая. Потом громче. Он присел у коляски, что-то стал ей говорить — я не слышала что. Но малышка продолжала плакать. Её лицо сморщилось, слёзы потекли по щекам.

— Да что такое! — услышала я его ругань даже через стекло.

Он поднялся и стал катать коляску. Малышка затихла. Он остановился. Девочка снова заплакала. Игнат снова стал её катать. Прошёлся вдоль дома, заглядывая в окна и высматривая меня. Я спряталась за штору и наблюдала за ними.

Поняв, что вернуться я ещё не скоро, он стал возить малышку вдоль дома туда и обратно. Девочка притихла и стала любоваться пейзажем. Она смотрела на цветы, на деревья, на птиц. Я постояла в доме ещё пять минут и вышла к ним.

— Прошу прощения, — сказала я, подходя.

— Что случилось? — он обернулся, и на его лице было выражение человека, который только что сделал что-то важное и не хочет это признавать.

— Что-то утром было в завтраке не свежее. Живот скрутило, — я виновато улыбнулась.

— Может, в больницу? А то ещё Вику заразите, — он посмотрел на дочь, которая улыбалась ему из коляски.

— Да нет, я выпила таблетку, думаю, прошло.

— Ну, хорошо.

— Да. Погода сегодня отличная. Может, вы составите нам компанию на прогулке? — я старалась, чтобы это звучало легко, ненавязчиво.

— Да, давайте, — неожиданно легко согласился он.

Я пошла по аллее дальше, а он повёз коляску. Малышка смотрела по сторонам, а потом стала закрывать глаза, засыпая. Её ресницы слипались, головка клонилась набок.

— Она спит на улице? — изумился Игнат, заглядывая в коляску.

— Да.

— Ей же холодно, — он нахмурился.

— Нет, что вы. Она тепло одета, а детям полезно спать на

свежем воздухе, — я поправила одеяльце, укрывая Вику.

— И долго она будет спать?

— Где-то час.

— Может, коляску занести домой? — он смотрел на неё с такой заботой, что я почти поверила, что ему не всё равно.

— Не надо. Она проснётся, если мы её потревожим.

— Тогда, я пожалуй, пойду? — он отступил на шаг.

— Хорошо. Спасибо, что помогли, — я улыбнулась.

Он улыбнулся в ответ — коротко, уголком губ, — и ушёл. Я смотрела ему вслед. Отлично. Первый раунд за мной. Но почему же он так не хочет общаться с собственной дочерью? Что такого случилось, что он закрылся от неё?

Сам Игнат к малышке не подходил. Но мы не сдавались. Заходили к нему в кабинет, словно малышка сама туда зашла. Я оставляла игрушки везде — на его столе, на кресле, на подоконнике в библиотеке. Чтобы он лишний раз зашёл в детскую и принёс нам их. Иногда он приносил — молча, с непроницаемым лицом. Но приносил.

К концу второй недели он стал сам приходить к малышке. Сначала стоял в дверях, наблюдая. Потом заходил, брал её на руки, держал неловко, словно боялся. А сегодня меня даже удивил — попросил коляску и пошёл гулять с Викой вокруг дома. Я была очень рада. Стояла на кухне у окна и смотрела, как он везёт коляску и что-то рассказывает малышке. Она смеялась, тянула к нему руки.

— Надо же, у тебя получилось! — заглядывая через пле-

чо, сказала кухарка. Алиса вытирала руки о полотенце и улыбалась.

— Почему он к ней так? Она же маленькая, ей нужен отец,

— я не отрывала взгляда от окна.

— Да и мама бы ей не помешала, — вздохнула Алиса.

— А кстати, всё забываю спросить, где она? — я обернулась к кухарке.

Алиса помолчала, потом села на табурет и сложила руки на коленях.

— Умерла во время родов. Врачи ничего не смогли сделать. Игнат с больницы вернулся совсем другим. Смерть жены его сильно подкосила, — она говорила тихо, словно боялась, что стены услышат.

— Как это случилось? — я тоже села, чувствуя, что ноги не держат.

— Роды были тяжёлые. Она потеряла много крови. Врачи боролись, но... — Алиса махнула рукой. — Малышку он забрал, даже пытался сам за ней ухаживать. Но у него не получилось. Мужчина, что с него взять. Нанял няню, а сам с головой ушёл в работу. К малышке подходил всё реже и реже. А потом и вовсе перестал её навещать.

— Но почему? Она же его дочь.

— Да и Лера, стерва, не даёт ему с дочкой общаться, — Алиса понизила голос. — Старается, чтобы он всё внимание уделял только ей. Она с самого дня похорон от Игната не отходит. Он и так долго держался, но всё же не каменный.

Ей удалось залезть в его кровать. Так теперь она себя тут хозяйкой чувствует. Поговаривают, она скоро совсем сюда переедет.

— Ну, он-то её любит? — спросила я, хотя не была уверена, что хочу знать ответ.

— Да конечно, — Алиса усмехнулась. — Ему так, лишь развлечение. Я-то знаю, когда Игнат Васильевич влюблён. У него глаза горят, и он совсем другой. Уж поверь мне.

Я молчала. Смотрела в окно, где Игнат катал коляску с Викой, и думала о том, что этот холодный, закрытый мужчина, оказывается, тоже умеет страдать. И от этого он не становился мне ближе, но становился понятнее.

Глава 7

Шли дни, и я с удивлением замечала, как Игнат привязывается к малышке всё больше. Это происходило медленно, незаметно, словно лёд таял под весенним солнцем. Сначала он просто заходил в детскую — на минуту, на две. Стоял в дверях, смотрел, как Вика играет, и уходил. Потом стал оставаться дольше. Садился в кресло в углу, брал в руки какую-нибудь игрушку и вертел её, словно не зная, что с ней делать. А однажды я застала его на полу рядом с Викой — он строил с ней башню из кубиков. Малышка смеялась, хлопала в ладоши, когда башня падала, и он улыбался. По-настоящему улыбался.

Он меньше стал выезжать из дома. Отменял встречи, ссылаясь на дела, которые можно было решить по телефону. И это сказалось на его девушке. Лера — я уже знала её имя, хотя старалась не произносить его лишний раз — вначале разрывала его телефон. Я слышала, как вибрирует его мобильный на столе в кабинете, как он сбрасывает вызовы один за другим. Потом она стала приезжать. Закатывала скандалы прямо в холле, кричала так, что было слышно на втором этаже. Игнат молча выслушивал, а потом уходил, оставляя её одну.

А в один прекрасный день, когда мы втроём гуляли в пар-

ке — Игнат катал коляску, я шла рядом, Вика спала, убаюканная мерным покачиванием, — подъехала машина. Чёрный блестящий седан, из которого вышла Лера. Таксист помог ей достать из багажника чемодан — большой, кожаный, явно дорогой. Она взялась за ручки и покатила чемодан в сторону дома. Но увидев нас, замахала рукой и пошла в нашу сторону. Её каблуки утопали в гравии дорожки, но она шла уверенно, словно по подиуму.

— Привет, мой хороший! Соскучился? — пропела она, подходя к Игнату вплотную.

— Безумно, — тихо сказал он.

Слово прозвучало так, словно он произносил его через силу. Я стояла в стороне, держась за ручку коляски, и чувствовала себя лишней. Мне хотелось исчезнуть, раствориться в воздухе.

Несмотря на его скучающий вид, она подошла к нему вплотную и поцеловала в щеку. Долго, демонстративно, словно ставя точку в каком-то невидимом споре.

— А ты чего с чемоданом? Уезжаешь куда? — спросил он, кивнув на багаж.

— Я приехала, любимый! — она рассмеялась, словно он сказал что-то забавное. — У тебя много дел, ты постоянно занят, вот я и решила, что нам нужно больше времени проводить вместе. Поэтому я переезжаю к тебе. Здорово, правда?

Повисла пауза. Я видела, как на его скулах заходили жел-

ваки. Он сжал челюсть так, что на шее натянулись жилы.

— Очень, — наконец произнёс он. — Но меня стоило предупредить.

— А я решила сделать тебе сюрприз! — она захлопала в ладоши, словно ребёнок. — Отнесите чемодан в дом, — сказала она мне, даже не удостоив взглядом. И снова стала гладить куртку Игната, словно я была мебелью.

Я стояла, не двигаясь. Руки сжались в кулаки сами собой. Кто она такая, чтобы мне приказывать? Но я промолчала. Стиснула зубы и промолчала.

— Татьяна — няня, у неё другие обязанности, — сказал Игнат, и в его голосе прозвучала сталь. — Пошли в дом, Лера.

Он взял её чемодан и пошёл в дом. Она, цепляясь шпильками за землю, ковыляла за Игнатом. Я осталась стоять на дорожке, глядя им вслед. Вика проснулась и захныкала. Я наклонилась к ней, поправила одеяльце.

— Всё хорошо, маленькая, — прошептала я. — Всё будет хорошо.

Мы с малышкой пришли домой позже. Я специально не торопилась, гуляла по саду, показывала Вике цветы, рассказывала про бабочек. Но как только мы вошли в дом, сразу же услышали крики Леры. Они эхом разносились по холлу, отражаясь от мраморных стен.

— Ты не можешь меня отправить в гостевую комнату! Я не гостя! Я твоя семья! — визжала она.

Я поднималась по лестнице, держа Вику на руках. Малышка притихла, прислушиваясь к крикам. Её глазки расширились, и я прижала её крепче к себе.

— Послушай, будет лучше, если твои вещи будут в отдельной комнате, — голос Игната был ровным, спокойным, но я слышала в нём напряжение.

— Вещи? По-твоему, я вещь? — крик Леры стал ещё громче.

— Может, хватит орать? — резко ответил он.

Мы ушли в детскую и закрыли дверь. Я села на пол, посадила Вику рядом и дала ей её любимого плюшевого зайца. Она тут же засунула ухо в рот и успокоилась.

— Не бойся, — сказала я ей. — Это взрослые разбираются. Не наше дело.

Когда мы выходили кушать, в доме уже было тихо. А на кухне кроме кухарки никого не было. Алиса хлопотала у плиты, что-то напевая себе под нос.

— А где все? — спросила я, усаживая Вику в стульчик.

— Игнат Васильевич уехал по делам, — ответила Алиса, ставя передо мной тарелку с супом. — А эта... — она кивнула в сторону лестницы, — наверху. Заперлась в гостевой и не выходит.

Я кивнула. Внутри было какое-то странное чувство — смесь облегчения от того, что Игнат уехал, и тревоги от того, что Лера осталась в доме.

С самого утра погода не задалась. Серые тучи заволокли

всё небо, словно кто-то натянул грязное одеяло. Дул холодный ветер, и шёл мелкий, нудный дождь. Он барабанил по стеклу, стекал тонкими струйками, навевая тоску.

Малышка просилась гулять. Она стояла у окна, прижавшись ладошками к стеклу, и смотрела на улицу.

— Гулять, — говорила она, тыча пальчиком в окно. — Гулять!

— Вика, сегодня нельзя, — я присела рядом с ней на корточки. — Дождик. Мы промокнем и заболеем.

— Гулять! — настаивала она, и её губки задрожали.

— Ну, маленькая, ну что ты... — я погладила её по голове, но она отстранилась и топнула ножкой.

— Гулять! — крикнула она, и слёзы брызнули из её глаз.

Я пыталась объяснить ей, что сегодня не погуляешь, но она капризничала и меня не слушала. Она села на пол, забарабанила ножками и заревела в голос. Я стояла над ней, чувствуя себя беспомощной. Что делать? Как её успокоить?

И тут меня осенило.

— А пойдём гулять по дому? — предложила я.

Она перестала плакать и взглянула на меня с интересом. Слёзы ещё блестели на её ресницах, но в глазах уже загорелся огонёк.

— По дому? — переспросила она.

— Да! Мы пойдём в поход. По всему дому. Как настоящие путешественники.

Она встала, вытерла слёзы рукавом и взяла меня за руку.

Мы вышли из комнаты и стали гулять. Гулять — это громко сказано. Малышка бежала вперёд, а я шла за ней. Она забегала за угол, пряталась и смеялась, я делала вид, что ищу её, а когда находила, то малышка заливалась смехом и бежала дальше. Её смех эхом разносился по коридорам, и в доме словно становилось светлее.

— Ку-ку! — кричала она, выглядывая из-за колонны.

— Где Вика? Куда она пропала? — я оглядывалась по сторонам, делая вид, что не вижу её. — Неужели она превратилась в мышку?

— Нет! — смеялась она. — Я тут!

— А, вот ты где! — я делала вид, что удивляюсь, и она убегала снова.

Таким темпом мы добежали до бассейна. Комната с бассейном была огромной — стеклянные стены, панорамные окна, шезлонги вдоль бортика. Игнат плавал, размеренно разрезая воду руками. А Лера лежала в шезлонге и пила коктейль — что-то зелёное, в высоком бокале с трубочкой. Она выглядела как королева на отдыхе — белоснежный купальник, солнцезащитные очки, белый халат.

Малышка с разбегу влетела в Леру и упала ей прямо на живот. Лера вскрикнула — громко, пронзительно. Коктейль опрокинулся, и зелёная жижа залила её белоснежный купальник. Она в ужасе закричала, вскочила, замахала руками.

— Что за... — она не договорила, потому что Вика, испугавшись её крика, заплакала.

Я схватила малышку на руки и в ужасе отошла от Леры на пару шагов.

— Простите! Простите, пожалуйста! Она не хотела! — я прижимала Вику к себе, чувствуя, как колотится её сердечко.

Игнат, который всё это видел, засмеялся. Он смеялся так искренне, так открыто, что я на секунду забыла, где я и что происходит. Я виновато улыбнулась.

— Ты... — Лера смотрела на него с ненавистью. — Ты ещё и смеёшься?

Она развернулась и, злясь и пыхтя, ушла, толкнув меня плечом, словно нечаянно. Я пошатнулась, но удержалась на ногах.

— Таня, ничего страшного, — сказал Игнат, выходя из бассейна. Вода стекала по его телу, и я поспешно отвела взгляд. — Вика играла, она же не специально.

— Всё равно неловко, — пробормотала я.

— Слушайте, а у меня идея, — он вдруг оживился. — Может, научить Вику плавать?

— Сейчас? — удивилась я.

— Да. Иди ко мне! — сказал он и протянул к ней руки. Малышка тут же запросилась к нему, замахала ручками.

Игнат взял девочку, раздел её — я помогла, подала полотенце — и опустил рядом с собой в воду. Дочка в восторге завизжала и начала бить руками и ногами по воде. Брызги разлетались в разные стороны, попадали мне на лицо, на одежду, но я не обращала внимания. Я смотрела на них.

— Молодец! Вот так! — говорил Игнат, поддерживая её.
— Гребь ручками!

Наплескавшись, он опустил её ещё ниже, держа за грудь. Вика уже не боялась — она смеялась, фыркала, когда вода попадала в лицо.

Я сидела у края бассейна и смотрела, как он аккуратно помогает малышке. Поправлял её движения, помогал освоиться в воде. У Вики для первого раза очень даже неплохо получалось. Она всю гребла руками и ногами, подражая отцу. Игнат её всё время поддерживал.

— А у неё неплохо получилось для первого раза, — сказала я, когда они вылезли.

— Так было бы в кого, — он выпятил грудь, словно хвастался. — У неё же гены! У меня первое место по плаванию! В молодости занимался. В кабинете много кубков и наград.

— Здорово, — я улыбнулась, вытирая Вику полотенцем.
— А я вот плавать так и не научилась.

— Совсем? — он посмотрел на меня с удивлением.

— Да. Как-то не довелось.

— Так это можно исправить. Хотите, научу? — спросил он и заглянул в глаза.

Я почувствовала, как краска заливает щёки. Что он делает? Зачем так смотрит? Я хотела ответить, но не успела.

— Надо же! Вы словно семейная пара на отдыхе. Как мило! — раздался язвительный голос.

Я обернулась и увидела Леру. Она уже успела переодеться

и стояла в бежевом платье, которое облегалo её фигуру. Волосы были уложены, макияж обновлён. Она выглядела безупречно. И смотрела на меня с такой ненавистью, что мне стало холодно.

— Что, так сильно палимся? — спросил Игнат. Вместо того чтобы оправдываться.

— Что ты себе позволяешь? — крикнула она. Её лицо покраснело, руки сжались в кулаки.

— Мы пойдём, у Вики расписание, — я взяла малышку на руки и унесла её в комнату.

Я закрыла дверь, но крики всё равно были слышны.

— Ты с ума сошёл, заигрывать с прислугой? — визжала Лера.

— Ты в своём уме? Что ты вообще несёшь? — отвечал Игнат.

— Я? Да я видела, как ты строишь ей глазки!

Я закрыла дверь плотнее и прижала Вику к себе. Малышка смотрела на меня своими огромными глазами, в которых ещё стояли слёзы.

— Всё хорошо, — прошептала я. — Всё хорошо, маленькая.

Вечером малышка опять пустилась бегать по дому. Игната нигде не было — наверное, уехал или заперся в кабинете. А вот Лера сидела в гостиной и листала свадебный журнал. Она выглядела спокойной, словно скандала и не было. Увидев меня, она подняла голову.

— Игнат сделал мне предложение, — сказала она, показывая журнал. На развороте были фотографии невест в белоснежных платьях, букеты, кольца.

— Поздравляю, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Так что зря ты на него позарилась, — продолжила она, и в её голосе прозвучала угроза.

— Вика, нельзя! — сказала я, забирая у малышки фарфоровую статуэтку. Ещё немного, и она бы её разбила.

— Как только поженимся, сплавлю эту малышку в пансионат, — Лера произнесла это буднично, словно говорила о погоде. — Сразу и от тебя, и от неё избавлюсь.

Я замерла. Внутри всё похолодело. Она что, серьёзно? Она говорит о живом ребёнке, как о ненужной вещи?

— Ты куда? Я ещё не договорила! — крикнула Лера, когда Вика, смеясь, побежала в другую комнату.

— А мне некогда болтать по пустякам, — сказала я и закрыла дверь. Громко, чтобы она поняла, что разговор окончен.

Но осадок от разговора остался. Тяжёлый, липкий, как грязь. Было неприятно, что Лера не хочет даже попробовать подружиться с малышкой. Она просто решила от неё избавиться. Самое ужасное, что я ничего с этим поделать не могу. Игнат меня не слушает, скажет, что я всё придумала. Что я всего лишь няня, и не моё дело лезть в их отношения.

Я сидела в детской, смотрела на спящую Вику и думала о

том, что делать. Как защитить этого маленького человечка? Как не дать Лере осуществить её план? Я не знала ответа. Но я знала одно: я не сдамся. Я сделаю всё, чтобы Вика была в безопасности. Даже если для этого мне придётся пойти против всех.

Глава 8

После того как Лера переехала в дом Игната, он стал целыми днями пропадать на работе. Уезжал рано утром, когда я ещё только просыпалась, возвращался поздно вечером, когда Вика уже спала. Иногда я слышала, как хлопает входная дверь, как он идёт по коридору — тяжёлым, усталым шагом, как скрипят половицы под его ногами. Но видеть его почти не видела. Только иногда, мельком, когда он заходил в детскую — поцеловать спящую дочь, поправить одеяло. И уходил так же тихо, как появлялся.

Её это злило. Очень злило. Она не привыкла к тому, что внимание Игната куда-то исчезает. Сначала она пыталась достучаться до него по телефону — я слышала, как вибрирует его мобильный на столе в кабинете, как она сбрасывает вызовы один за другим. Потом стала приезжать к нему на работу. Возвращалась оттуда злая, с красными глазами, хлопала дверями так, что дрожали стёкла.

Она срывалась на всех. На кухарке — за то, что суп недостаточно горячий. На экономке — за то, что в комнате недостаточно чисто. На охране — за то, что они «слишком медленно открывают ворота». Она кричала, ругалась, и била посуду. Я видела однажды, как она швырнула чашку в стену — та разлетелась на мелкие осколки, и Алиса потом долго

собирала их с пола, бормоча что-то себе под нос и качая головой.

А когда и это не помогло — Игнат всё равно не обращал на неё внимания, — она придумала кое-что другое.

Мы играли с малышкой в куклы. Я сидела на полу, Вика — напротив меня, и мы «кормили» кукол кашей из маленьких пластмассовых тарелочек. Малышка что-то лепетала, наклоняясь над игрушками, и её волосики падали ей на лицо. Я убирала их, заправляла за ушки, и она улыбалась мне — беззубой, счастливой улыбкой.

— Кушай, кукла, — говорила она, поднося ложку к пластмассовому рту. — Вкусно!

— Очень вкусно, — соглашалась я. — А теперь давай покормим зайчика?

— Зайчика! — она схватила плюшевого зайца и попыталась запихнуть ему ложку в ухо. Я засмеялась и мягко поправила её.

Открылась дверь, и вошла Лера. Она была одета в облегающее платье, волосы уложены, макияж безупречен. Но глаза — холодные, колючие. Она окинула взглядом комнату, игрушки на полу, меня, сидящую на ковре.

— Здравствуйте! — сказала я ей, поднимаясь с пола.

— Ты на сегодня свободна, у тебя выходной, — сказала она и пошла к Вике. Малышка посмотрела на неё с настороженностью, прижала куклу к себе.

— Я не отпрашивалась, — ответила я, чувствуя, как внут-

ри поднимается тревога.

— Игнат разрешил, — бросила она, не оборачиваясь.

— А кто останется с малышкой? — я сделала шаг к ней.

— Я и Игнат. У нас сегодня будет семейный день. Иди!

— она махнула рукой в сторону двери, словно выгоняла назойливую муху.

Сомневаясь в её словах, я встала и вышла из комнаты. Прикрыла дверь и дошла до лестницы. Внутри всё сжималось от беспокойства. Что-то тут было не так. Игнат никогда не давал мне выходной через Леру. Никогда. Он всегда говорил лично, всегда предупреждал заранее. Я развернулась и пошла в кабинет Игната — но его там не было. Пустой стол, погасший монитор, кресло отодвинуто. Я набрала его номер и стала звонить, но трубку он не взял. Гудки тянулись один за другим, и с каждым становилось всё тревожнее.

Вернулась опять к детской и заглянула в комнату. Лера сидела с малышкой и держала куклу в руках. Вика смотрела на неё настороженно, не играла. В кармане завибрировал телефон — звонил Игнат.

— Таня, что-то случилось? — спросил он, и в его голосе слышалась тревога.

— Вы правда дали мне выходной? — спросила я, стараясь говорить тихо.

— Что? Ты о чём? — он явно не понимал.

Я ему рассказала о том, что Лера хочет провести день с семьёй. О том, что она сказала, будто он разрешил. В трубке

была долгая пауза. Я слышала его дыхание, тяжёлое, напряжённое. Словно он сдерживал себя, чтобы не кричать.

— Я сам лично даю такие распоряжения. И вы это знаете, — наконец сказал он. — Надеюсь, вы не бросили Вику наедине с Лерой?

— Я рядом с детской, — ответила я.

— Тогда вернитесь к ребёнку и выполняйте свои обязанности. И спасибо, что сказали, Татьяна.

Я развернулась и вошла в комнату. Малышка так и играла, как ни в чём не бывало. Она строчила куклу, что-то бормотала. А Лера сидела на кровати и смотрела на ребёнка. В её взгляде было что-то холодное, оценивающее. Словно она прикидывала, как от неё избавиться.

— Ты почему ещё здесь? — спросила она, увидев меня.

— Игнат распоряжения не давал, вы мне соврали, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

— Ты что, глупая? — она вскочила с кровати. — Ты зачем Игнату звонила? Я хотела сделать ему сюрприз!

— С этого и надо было начинать, — ответила я, не отводя взгляда.

— Ну а сейчас ты что тут стоишь? Кышь! — она махнула рукой, словно отгоняла кошку.

— Я никуда от ребёнка не уйду! — я скрестила руки на груди.

Она посмотрела на меня долгим, тяжёлым взглядом. Потом её губы сложились в подобие улыбки. Но улыбка была

нехорошая, с подтекстом.

— Тогда одевай её, и поехали в город, — сказала она.

— Зачем? — я насторожилась.

— Сделаем сюрприз Игнату, — она развернулась и вышла из комнаты, не давая мне возможности возразить.

Я постояла секунду, глядя на закрывшуюся дверь. Что она задумала? Но выбора не было — я не могла оставить Вика одну. Пришлось одевать малышку. Я надела на неё тёплый комбинезон, шапочку, ботиночки. Вика радостно тянула ручки, она любила гулять.

Мы вышли на улицу. Там уже стояла злая Лера. Она нервно постукивала каблуком по асфальту. Её лицо было напряжённым, губы сжаты.

— Ну что вы так долго? Садитесь, — бросила она, открывая дверь машины.

Мы сели в машину и поехали в город. Малышка сидела в кресле и смотрела по сторонам. Её глазки расширялись при виде больших зданий, машин, людей. Она тыкала пальчиком в окно и что-то лепетала. Лера сидела на переднем сидении и постоянно куда-то звонила. Она говорила тихо, прикрывая рот рукой, но я слышала обрывки фраз. «Да, я скоро буду», «Жди меня там», «Не опаздывай». Кому она звонила? Игнату? Или кому-то ещё?

Машина остановилась около торгового центра. Мы поднялись на третий этаж, там был детский парк. Разноцветные шарики, батуты, горки, лабиринты. Всё сверкало, перелива-

лось, играла музыка. Вика сразу же туда запросилась — она тянула меня за руку, подпрыгивала на месте.

— Мы туда пойдём? — спросила я Леру.

— Конечно, идите. Я буду за тем столиком, — она кивнула в сторону кафе, расположенного тут же, на площадке.

— Хорошо, — ответила я, хотя внутри всё сжималось от беспокойства.

Я отпустила Вику, и она, радостно визжа, побежала играть. Я села на скамейку у входа в игровую зону, чтобы видеть её. Пока следила за малышкой, увидела Леру — она сидела за столиком, постоянно оглядываясь. Её руки теребили салфетку, она то и дело смотрела на телефон, проверяла время. Ждала кого-то.

К ней подошёл Игнат. Она тут же подскочила и обняла его за шею. Он был в недоумении — я видела это по его лицу. Он что-то ей говорил, резко, с раздражением. Но Лера махнула в сторону детской площадки рукой. Игнат увидел меня и кивнул головой. Лишь после этого он сел за столик и заказал себе что-то у официанта.

Вика валялась в шариках — я видела её головку среди разноцветных шаров. Она смеялась, подбрасывала шарики вверх. Когда ко мне кто-то подошёл и протянул стакан с кофе, я обернулась и увидела Игната.

— Кофе? — спросил он.

— Спасибо, — я взяла стакан, чувствуя, как тепло разливается по пальцам.

— Лера уехала, — сказал он, садясь рядом. — Я думал, её хватит на дольше, ведь сама сюда меня позвала. А выдержала только полчаса. Сказала, что от детского крика у неё началась мигрень.

— Бывает с непривычки, — ответила я, хотя не поверила ни единому слову. Мигрень? От детского смеха? Скорее, она просто не хотела быть здесь. Не хотела видеть Вику.

— Папа! — крикнула Вика и потянулась к нему руками. Она вылезла из шариков и бежала к нам, смеясь. Её волосы были взъерошены, щёки покраснелись.

Он обнял её, посадил на колени и дал малышке сок, который держал в руках. Она жадно стала пить, а напившись, снова побежала играть.

— Я не успела купить ничего, Вика сильно рвалась сюда, — сказала я, чувствуя себя виноватой.

— Я так и понял, — улыбаясь, сказал он. — Спасибо, что позвонили. Не знаю, что хотела придумать Лера, но попрошу вас впредь не оставлять её с дочкой одну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.